

Е.А.Иванов, К.В.Мельников, Н.В.Петров
НЕФОРМАЛЬНАЯ СТРУКТУРА
ЭЛИТНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ
Опыт сетевого анализа

Евгений Александрович Иванов — младший научный сотрудник Научно-учебной лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: eivanov@hse.ru.

Кирилл Вадимович Мельников — кандидат политических наук, научный сотрудник отдела философии Института философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург). Для связи с автором: melnikovrezh@gmail.com.

Николай Владимирович Петров — кандидат географических наук, старший научный сотрудник программы Российских и евразийских исследований института Chatham House (London, United Kingdom). Для связи с автором: NPetrov@chathamhouse.org.

Аннотация. Статья посвящена исследованию структуры российской политической элиты. Учитывая общепризнанное доминирование личных отношений над формальными институтами в политических и экономических взаимодействиях в России, при решении этой задачи авторы обращаются к концепту неформальной сети и аппарату сетевого анализа (SNA).

Моделирование элитной структуры как неформальной сети предполагает операционализацию двух элементов — узлов и граней. В качестве узлов сети в статье рассматриваются лица, занимавшие высшие 50 позиций в рейтинге 100 ведущих политиков России в марте-апреле 2020 г. В отличие от большинства исследователей, использующих сетевой подход для изучения элит, при установлении граней сети авторы принимают во внимание не только карьерные пересечения, предшествующие попаданию персоналий в элиту, но и внешние по отношению к карьере источники личных связей и оценивают актуальность установленных биографических пересечений.

Полученная в результате неформальная сеть высвечивает весьма любопытные в своей разнонаправленности особенности организации российской элиты. С одной стороны, ее структура имеет очевидный центр в лице Владимира Путина, намного превосходящего других игроков и по объему связей,

и по степени близости ко всем элитным акторам, и по своей посреднической роли. С другой стороны, степень централизации сети довольно умеренна. Причина — разнообразие горизонтальных связей между остальными членами элиты. С одной стороны, в сети прослеживаются несколько четко идентифицируемых сообществ, с другой — связей между такими сообществами больше, чем внутри них. Почти все представители силовых ведомств входят в одно сетевое сообщество. Однако горизонтальные связи внутри силового блока практически отсутствуют. В целом неформальная сеть российской элиты демонстрирует высокий уровень связности при доминировании сложных, многокомпонентных связей, проявляющихся в разных форматах личных отношений. Подобный уровень интеграции способен сыграть существенную роль в минимизации внутриэлитных расколов — «ахиллесовой пяты» автократий.

Ключевые слова: российская элита, неформальная сеть, патрон-клиентские отношения, сетевой анализ

Введение

Какова структура российской элиты? Учитывая ключевую роль элит в российской политической динамике¹, вопрос об ее устройстве, внутренних связях и конфликтных линиях заслуживает особого внимания. Однако при попытке ответить на него исследователи сталкиваются с рядом трудностей эмпирического и концептуального порядка, начиная с проблем определения объекта и заканчивая высокими барьерами доступа к нему.

Как и любая социальная и политическая структура, элита состоит из двух базовых элементов: акторов и связей между ними. И с каждым из этих элементов возникают проблемы операционализации. Как определять персональный состав элиты? Классический далевский вопрос «*Who governs?*» вызывает споры и среди западных политологов, породив несколько школ и методологических подходов². В русскоязычной литературе дискуссия о содержании понятия «элита» осложняется еще и идеологическими размежеваниями³. Но даже при самом огрубленном определении элиты как лиц, занимающих высшие посты в системе государственной власти и потому наделенных правом на принятие ключевых государственных решений и соответствующими ресурсами, непоясненным остается характер внутриэлитных связей. Можно ли говорить о разных типах связей между членами элиты? Формируют ли такие связи узкий или расширенный круг элиты? Как оценивать трансформацию этих связей?

Попытки ответить на эти вопросы с опорой на инсайдерский доступ приводят к появлению оригинальных, но неverified сообществ, таких как «Башни Кремля», «Солнечная система» или «Политбюро 2.0»⁴. Все эти модели исходят, однако, из общей идеи неформального доступа членов элиты к первому лицу и обусловленного этим набора политических ресурсов и потому вполне соотносятся с рядом

¹ Гаман-Голутвина 2016.

² Обзор см. Ледаев 2012: 177—209.

³ Крыштановская 2004.

⁴ См. Petrov 2011.

⁵ Фисун 2007; Гельман 2015.

⁶ Hale 2014.

более широких концепций власти, которые описывают постсоветские общества в терминах неопатримониальных⁵ и патрональных⁶ систем. И так как определяющим типом властных отношений в подобных системах считаются отношения личной преданности и лояльности, при обсуждении внутриэлитных связей на первый план неизбежно выходит гораздо более устойчивая и разработанная в рамках политической науки категория патрон-клиентских отношений.

От патрон-клиентских иерархий к неформальным сетям

⁷ Eisenstadt and Roniger 1984: 48.

⁸ Старцев 2001: 190—192.

Патрон-клиентские отношения как тип властных отношений обладают рядом конститутивных признаков. Во-первых, такие отношения носят персональный характер, что проявляется во взаимности личных обязательств, лояльности и привязанности. Во-вторых, они подразумевают одновременный обмен различного вида ресурсами. В-третьих, патрон и клиент располагают принципиально неодинаковым объемом ресурсов. Заслуживает внимания и неформальная природа патрон-клиентских отношений, которые часто противоречат официальным нормам, существующим в обществе⁷. В рамках государственного аппарата классическим типом обмена ресурсами является предоставление государственной должности в ответ на лояльность и компетентность, что, однако, не исключает и более частных вариантов обменов⁸.

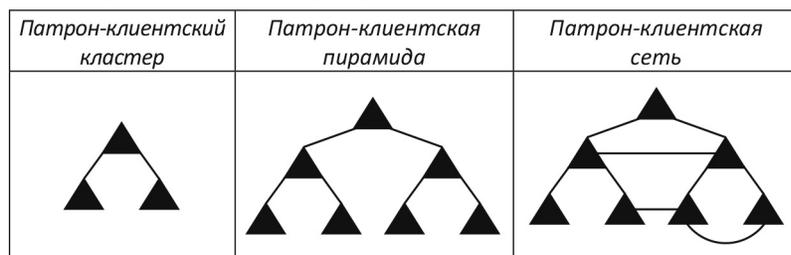
⁹ Hale 2014.

¹⁰ Scott 1972.

Поскольку любому управлению, тем более государственному, присуща многоуровневость, отношения патронажа выстраиваются в иерархическую систему, в которой клиент одного патрона может сам быть патроном и иметь собственную клиентелу. Исследовательская оптика, основанная на анализе таких патронажных пирамид, способна довольно точно схватывать природу политического управления в России и постсоветских обществах⁹. Однако еще на заре исследований клиентелизма Джеймс Скотт обратил внимание на то, что патронажные системы могут включать в себя не только вертикальные, но и горизонтальные отношения¹⁰. В совокупности патронаж и альянсы между игроками одного уровня образуют неформальную сеть. Эта логика визуализирована на *рис. 1*.

Рисунок 1 Типы патрон-клиентских структур по Дж. Скотту¹¹

¹¹ Ibid.: 96.

Взгляд на неформальную структуру элитного пространства как на сеть имеет два важных методологических следствия. Во-первых, репертуар личностно-ориентированных взаимодействий шире, чем классические патрон-клиентские отношения. В качестве неформальных источников связей могут выступать родство и свойство, совместные бизнес-проекты, общие увлечения, досуг и т.д. И поскольку отношения такого рода носят, как правило, горизонтальный характер, включение их в анализ наряду с классическими патрон-клиентскими отношениями требует отдельных усилий.

Во-вторых, подобная интерпретация элитного пространства позволяет использовать при его изучении строгий математический аппарат, а именно сетевой анализ (*Social Network Analysis — SNA*). Еще в 1972 г. Скотт отмечал, что неформальные сети в политике могут варьировать в зависимости от степени монополизации отдельным патроном определенного ресурса или связей с другими акторами, плотности патронажных взаимодействий, а также наличия внутри сети самостоятельных кластеров¹². Теория графов как основа *SNA* предлагает целый арсенал методов выявления и учета каждого из этих факторов.

Попытки применения сетевого анализа к структурам элит, будучи пока немногочисленными, уже продемонстрировали его эвристический потенциал. *SNA* дает исследователям возможность не только визуализировать элитные сети, но и фиксировать, как место в сети элитных связей влияет на коллективное действие. Так, в уже классической работе Джона Паджета и Кристофера Ансела¹³ убедительно доказывается, что подъем Медичи во Флоренции XV в. был обусловлен не столько их превосходящим другие семьи богатством, сколько необычайно выгодной позицией в элитной сети, при которой Медичи служили единственным «мостиком» в коммуникации между несколькими фракциями флорентийской элиты (то есть, говоря языком сетевого анализа, обладали наибольшей степенью посредничества). Франческа Келлер, воссоздав по открытым источникам патронажную сеть китайской элиты в промежутке между 1982 и 2012 гг., обнаружила, что сетевая позиция довольно точно указывает на то, кто станет членом Политбюро ЦК КПК спустя 5—10 лет¹⁴. В свою очередь, Суреш Найду, Джеймс Робинсон и Лорен Янг проследили, как положение в сети личных связей повлияло на вероятность участия членов гаитянской элиты в государственном перевороте 1991 г.¹⁵

В той или иной мере опирающиеся на идеи сетевого анализа исследования патронажа в России и СССР тоже имеют определенную, хотя и не самую богатую традицию. Эти исследования говорят о разнообразии патронажных групп в ЦК КПСС¹⁶ и значимости патронажа в карьерах региональной номенклатуры¹⁷, вскрывают остававшуюся ранее вне поля зрения исследователей роль, которую сыграли неформальные элитные сети в укреплении инфраструктурной власти советского государства после Гражданской войны¹⁸. Лонгитюдный анализ неформальных связей в российской административной элите свидетельствует

¹² *Ibid.*: 101.

¹³ Padgett and Ansell 1993.

¹⁴ Keller 2015.

¹⁵ Naidu, Robinson, and Young 2021.

¹⁶ Willerton 1987.

¹⁷ Reisinger and Willerton 1988.

¹⁸ Easter 1997.

¹⁹ Чапковский
2011.

о постепенном уплотнении элитной сети и исключении из нее независимых игроков¹⁹. Все эти работы так или иначе опираются на выявление биографических пересечений, предшествовавших попаданию в элиту, как индикатора патронажной связи.

Концептуально и методологически развивая данный подход, в настоящей статье мы попробуем с помощью аппарата сетевого анализа определить, какова на сегодняшний день неформальная структура российской элиты, какие связи в ней доминируют и на какие группы она распадается.

Исследовательская стратегия, метод и данные

Решение указанных выше задач требует операционализации двух основных элементов сети: узлов и граней. Для определения *узлов*, то есть представителей высшего слоя политической элиты, мы воспользовались рейтингом 100 ведущих политиков России, составляемым «Независимой газетой» и Агентством политических и экономических коммуникаций (АПЭК). Поскольку формирование этого рейтинга базируется на результатах экспертных опросов, в которых респондентам предлагается оценить влияние российских политиков, в плане операционализации элитного статуса наше исследование следует логике репутационного подхода. Важно, что рейтинг составляется на ежемесячной основе с 1999 г. без существенных изменений в методологии, что позволяет задействовать его для оценки динамики элитного пространства России.

В настоящем исследовании в качестве узлов сети рассматривались лица, занимавшие высшие 50 позиций в рейтингах «Независимой газеты» и АПЭК за март и апрель 2020 г. Ввиду небольших расхождений между двумя рейтингами в выборку вошли 52 человека.

Операционализация *граней* сети (i.e. связей между акторами) — нетривиальная задача. Как уже отмечалось, существующие исследования решают ее схожим образом: посредством анализа карьерных пересечений, предшествовавших попаданию в элиту. Однако такой подход может генерировать два типа систематических ошибок. По аналогии со статистическим анализом их можно обозначить как ошибки первого и второго рода.

Ошибка первого рода заключается в том, что мы можем квалифицировать связь между бывшими коллегами или однокашниками как положительную, когда она не является таковой (например, отношения утратили актуальность или изначально носили негативный либо индифферентный характер). Ошибка второго рода обусловлена тем, что при подобном подходе вне поля зрения остаются не сопряженные с карьерой связи — родство, бизнес-интересы, совместные увлечения или досуг, которые не в меньшей степени способны оказывать влияние на функционирование властных отношений²⁰.

²⁰ Старцев 2009.

Обе ошибки, особенно в случае их суммирования, могут привести к значительному искажению структуры сети. В то же время продуцирующий их подход базируется на открытых, объективных и проверяемых

данных и потому свободен от исследовательской дискреции. Стремясь найти золотую середину между объективностью модели и ее способностью избегать ошибок первого и второго рода, мы разбили сбор данных на две части: выявление и анализ формализуемых карьерных пересечений и фиксация неформализуемых источников связей.

Выявление карьерных пересечений проходило в несколько этапов. На первом этапе собиралась информация о карьере вошедших в выборку акторов. Каждый шаг в карьере кодировался через набор переменных, касающихся времени и места учебы или работы. Полученная таким образом база данных составила 618 случаев. На втором этапе посредством кода на языке R был проведен автоматизированный поиск карьерных пересечений между всеми возможными парами акторов на основе следующих правил: а) оба актора работали или учились в одном городе в одно время и в одной организации; б) на момент начала такой связи хотя бы один из ее участников еще не был маркирован экспертами как обладатель элитного статуса, то есть не попал в рейтинг «Независимой газеты» и АПЭК.

Для устранения ошибки первого рода на третьем этапе осуществлялась экспертная оценка полученных карьерных пересечений ($N = 313$), призванная подтвердить, что обнаруженная связь действительно имела место и актуализировалась на последующих этапах карьеры. В итоге база данных карьерных пересечений сократилась до 288 случаев.

Чтобы справиться с ошибкой второго рода, мы обратились к анализу иных источников установления неформальных связей. С этой целью с помощью поисковых систем Yandex и Google был проведен поиск по всему массиву доступных в интернете данных совместных упоминаний А и Б на русском языке (где А и Б — любые две персоналии из нашего списка). Такой поиск позволил выявить 94 парных упоминания, указывающих на наличие неформальных связей, которые, в свою очередь, распадаются на шесть групп: 1) родственные связи; 2) общие бизнес-интересы; 3) участие в негосударственных организациях и проектах (общества, попечительские советы, благотворительность); 4) соседство; 5) деятельность, связанная с религией; 6) хобби (поддержка спортивного клуба, регулярный совместный досуг и т.д.). Приведем несколько иллюстраций для каждой из этих групп.

В нашей выборке прямая родственная связь имеется только между секретарем Совета Безопасности РФ Николаем Патрушевым и его сыном Дмитрием Патрушевым, возглавляющим Министерство сельского хозяйства. При этом прослеживается значительное количество косвенных связей через детей, супругов, зятьев, сватов и т.д. Например, Александр Винокуров, зять министра иностранных дел Сергея Лаврова, и Анастасия Игнатова, падчерица генерального директора Ростеха Сергея Чемезова, совместно владеют сетью аптек²¹. Борис Ковальчук, сын банкира Юрия Ковальчука, был назначен заместителем генерального директора госкорпорации «Росатом», когда той руководил Сергей Кириенко²² (что позволяет предположить наличие положительных связей

²¹ <https://www.bbc.com/russian/features-44242341>.

²² <https://ria.ru/20091126/195606628.html>.

между Кириенко и семьей Ковальчуков). Зачастую неформальные связи внутри элиты носят комплексный характер, затрагивая сразу несколько регистров взаимоотношений. Так, руководителя Администрации Президента (АП) Антона Вайно и министра промышленности и торговли Дениса Мантурова связывают и бизнес-интересы их родственников (матери Вайно и Мантурова являются соучредителями общей компании²³), и то, что их семьи некоторое время жили по соседству²⁴.

В последние годы представители элиты уделяют большое внимание благотворительности, которая тоже служит маркером и источником устойчивых личных отношений. В качестве примера можно привести Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество, учрежденное супругой первого заместителя руководителя АП Алексея Громова Анной Громовой²⁵ и Фондом «Вольное дело» Олега Дерипаски²⁶. В этом случае мы вновь имеем основания говорить об устойчивых неформальных отношениях, проявляющихся в разных форматах. В частности, сын Громова — бизнес-партнер Дерипаски, входящий вместе с АО «Русал» в число учредителей компании, владеющей заводом по производству алюминиевых автомобильных дисков²⁷.

В эмпирических исследованиях элит в качестве одного из косвенных признаков элитной интеграции часто рассматривается конфессиональная принадлежность²⁸. Чтобы сделать этот показатель более надежным, при фиксации неформальной связи мы учитывали не просто общность вероисповедания, а совместную деятельность, тем или иным образом связанную с религией, так как такая деятельность подразумевает определенное вложение усилий, времени и ресурсов и потому способна формировать более устойчивые отношения, нежели собственно религиозные убеждения. Ярким примером здесь может служить случай Михаила Мишустина и Кириенко, участвовавших в восстановлении Дивеевского монастыря и Саровской пустыни в Нижегородской области. В 2018 г. Кириенко возглавил попечительский совет по возрождению Саровской и Дивеевской обителей, а Мишустин, еще будучи руководителем ФНС, не только принимал участие в закладке храма в честь иконы Божьей Матери «Животворящий источник» в Сарове, но и был удостоен ордена Преподобного Серафима Саровского III степени за помощь Саровской пустыни.

Немаловажную роль в поддержании неформальных связей внутри элиты играет и спорт. Президент Владимир Путин с юности увлекался дзюдо. В одной секции с ним занимался бизнесмен Аркадий Ротенберг. Он же совместно с Геннадием Тимченко стал учредителем дзюдоистского клуба «Явара-Нева». Кроме того, Тимченко и племянник Ротенберга занимают руководящие посты в хоккейном клубе СКА из Санкт-Петербурга. В свою очередь, Кириенко и вице-премьер Юрий Трутнев, будучи поклонниками восточных единоборств, входят в президиум Высшего совета Российского союза боевых искусств.

Формой личных отношений в политике выступает также совместный досуг. Так, в последние годы министр обороны Сергей Шойгу регулярно сопровождает Путина во время его отпусков в сибирской тайге.

²³ <https://www.list-org.com/company/292286>.

²⁴ <https://republic.ru/posts/94759>.

²⁵ <http://espo-fond.ru/index.php/ob-obshchestve/sotrudniki>.

²⁶ <https://companies.rbc.ru/id/1117799017786-bf-fond-sodejstviya-vozrozhdeniyu-traditsij-miloserdiya-i-blagotvoritelnosti-elisavetinskoe-sergievskoe-prosvetitel'skoe-obshchestvo/>.

²⁷ https://www.list-org.com/company/79089/show/founders_history#founders.

²⁸ Hoffmann-Lange 2018.

Соединив полученные двумя путями связи, мы получили итоговый граф с 52 узлами и 214 гранями (см. рис. 2).

Рисунок 2 Неформальная сеть российской элиты²⁹

²⁹ Выполнено в Gephi. Алгоритм укладки — Force Atlas 2. Размер узла соответствует количеству связей. Различное заполнение узлов отражает принадлежность к сетевым сообществам.

Результаты и интерпретация

Общая связность сети. Уже самый общий взгляд на граф позволяет судить о базовых характеристиках неформальной сети российской элиты. Во-первых, в сети полностью отсутствуют изоляты, то есть акторы, не связанные с другими игроками. Все члены сети имеют как минимум одну неформальную связь с другими представителями элиты. Во-вторых, сеть довольно плотно переплетена, особенно в центральной

части. Показатель плотности сети (i.e. доля присутствующих связей от максимально возможного их значения) равен 16,1%. В-третьих, у сети есть очевидный центр, в качестве которого выступает Путин. Поскольку большинство вошедших в выборку игроков — чиновники, обретение ими элитного статуса напрямую зависит от решения президента, и опыт совместной деятельности играет в этом ключевую роль. В этом плане полученный нами результат коррелирует с результатами более ранних исследований механизмов рекрутирования в российскую административную элиту³⁰. Но, что гораздо интереснее, в элитной сети нет ни одного игрока, который бы находился от Путина дальше, чем на расстоянии двух рукопожатий. Иными словами, при отсутствии у члена элиты прямой личной связи с Путиным (в нашей выборке таких 19 человек) между ним и президентом располагается всего один посредник, что подтверждает обоснованность заключений об очень высоком пороге вхождения в российскую элиту и обусловленность такого вхождения личным доверием президента³¹.

³⁰ Чанковский 2011; Baturо and Elkind 2016.

³¹ Ledeneva 2013: 53.

Центральность игроков. Сетевой анализ открывает возможности для решения одной из наиболее актуальных при изучении элит задач — оценки сравнительной силы ее членов. Если исходить из того, что неформальные связи обеспечивают игроков поддержкой, позволяют выстраивать коалиции, мобилизовывать ресурсы и распространять информацию, полезными могут оказаться несколько сетевых параметров.

Неплохо вскрывает ресурсный потенциал игрока такой параметр, как общее количество связей. Очевидно, что члены властвующей элиты обладают разными типами ресурсов. Даже в нашей небольшой выборке есть те, кто контролирует силовой ресурс, отвечает за экономическую политику, занимает ведущие позиции в банковской сфере и т.д. Поэтому уже простое количество связей может говорить о широте доступа к ресурсам разного рода. На языке сетевого анализа соответствующий параметр обозначается как *центральность по степени* (degree centrality). В рассматриваемой сети по этому показателю лидируют Путин (32 связи), Вайно (19), Дмитрий Козак (18), Игорь Сечин и Сергей Нарышкин (по 17 связей).

Еще один показатель влияния актора — *центральность по близости* (closeness centrality), или то, насколько близко он находится ко всем остальным игрокам, что может отражать его популярность как партнера по властной коалиции. Пятерка лидеров здесь та же, что и в первом случае: Путин — Вайно — Козак — Сечин — Нарышкин.

Следует отметить, что высокое положение Козака, Сечина и Нарышкина объясняется фактической синхронностью их карьерных траекторий с карьерой Путина. Все они начинали свой путь в политике в администрации Санкт-Петербурга под руководством Анатолия Собчака, а затем вслед за Путиным перебрались в Москву и занимали различные посты в федеральных органах власти, включая АП и правительство. Схожесть их карьерных траекторий с путинской автоматически

связывает данную тройку с другими представителями высшего эшелона власти. Что касается Вайно, то его позиция отражает тот административный ресурс, который заключает в себе АП. Еще при Борисе Ельцине АП начала концентрировать в себе решение многих ключевых вопросов, поэтому через этот «узел власти» прошли многие члены кадровой обоймы Путина.

Но, пожалуй, самой важной сетевой характеристикой является *центральность по посредничеству* (betweenness centrality) — то, как часто кратчайшие пути между акторами пролегают через соответствующего игрока. На это указывают в том числе и более ранние исследования элит: именно данный показатель оказался значимым предиктором и при объяснении подъема Медичи³², и при идентификации патронов в Компартии Китая³³. «Брокерская» позиция между сообществами позволяет закрывать структурные дыры и служить медиатором между группами акторов, плотно соединенными внутри себя и имеющими редкие связи с другими группами. В нашем кейсе первые места по центральности этого типа — разумеется, после Путина, чье лидерство здесь неудивительно, — занимают Вайно, Алексей Кудрин, Сергей Собянин и Громов.

Кудрин, как и многие другие представители нынешней российской административной элиты, в свое время работал в мэрии Санкт-Петербурга, а затем на протяжении многих лет был связан с финансово-экономическим блоком правительства, входя в число так называемых «системных либералов». При этом он всегда оставался человеком, близким к Путину, что позволило ему занять должность руководителя Счетной палаты даже после отставки с поста министра финансов. Есть у него и опыт работы в АП, что связывает его с рядом выходцев из этой структуры. Таким образом, Кудрин выступает в роли посредника между тремя сообществами: аппаратчиками АП, финансово-экономическим блоком и личной клиентелой Путина.

Фигура Собянина примечательна тем, что, в отличие от других центральных акторов, он начинал свою карьеру не в Санкт-Петербурге или Москве. Собянин — уроженец Западной Сибири, центра нефтегазовой промышленности России. Отсюда его связи с представителями энергетического бизнеса. Затем Собянин, как и некоторые другие региональные деятели (например, Юрий Трутнев и Вячеслав Володин), был кооптирован в команду Путина. Впоследствии Собянин руководил АП, работал в правительстве, пока не занял пост мэра Москвы, позволивший ему аккумулировать большое количество ресурсов, включая кадровые. Как следствие, ряд его клиентов получил руководящие должности и в региональных, и в федеральных органах власти (в их числе вице-премьер Марат Хуснуллин и министр экономического развития Максим Решетников, которые были заместителями Собянина в мэрии Москвы и Аппарате правительства России соответственно). Пребывание на пересечении нескольких сообществ и наличие игроков, связанных в элитном пространстве исключительно с ним, делает Собянина одним из ключевых посредников элитной сети.

³² Padgett and Ansell 1993.

³³ Keller 2015.

Что касается Громова, то он связывает ельцинскую и путинскую элиты, медийный блок и политический. Во второй половине 1990-х годов он возглавлял пресс-службу Ельцина, в начале 2000-х был пресс-секретарем Путина, после чего занял должность заместителя главы АП. Не исключено, что именно навыки Громова как посредника и позволяют ему на протяжении многих лет сохранять высокое положение в политической системе России.

Сетевой анализ позволяет оценить не только степень центральности отдельных игроков, но и уровень централизации сети как единого целого. Предельный случай централизации — ситуация, при которой центральный узел замыкает на себе все связи, а отношения между остальными узлами отсутствуют, то есть узел-патрон имеет монополию на связи в сети, и коммуникации между любой парой узлов проходят через него. Наша сеть централизована лишь на 26,6%. Это, в свою очередь, ставит под сомнение обоснованность популярной оценки политического режима в России как путиноцентричного. Против нее говорят разнообразные и довольно распространенные горизонтальные связи между представителями элиты, которые они успели сформировать за проведенное в элитном пуле время.

Структура неформальной сети. Ключевая задача при оценке структуры сети — это выявление *сообществ*, то есть подграфов, имеющих относительно большое число внутригрупповых связей и относительно малое — межгрупповых. В сетевом анализе разработано множество алгоритмов для идентификации сообществ в зависимости от типа исследуемой сети. Выбор конкретного алгоритма — вопрос принципиальный, поскольку разные алгоритмы могут порождать разную кластеризацию. В настоящем исследовании мы протестировали все наиболее востребованные алгоритмы³⁴ и выбрали тот, что продемонстрировал максимальную модулярность. Им оказался *fast unfolding algorithm*³⁵, который разбил нашу сеть на шесть сообществ³⁶.

Обращает на себя внимание, что сообщество, в которое входит Путин, включает в себя почти всех руководителей силовых ведомств, попавших в выборку (директор ФСБ Александр Бортников, директор СВР Нарышкин, министр обороны Шойгу, руководитель Следственного комитета Александр Бастрыкин, директор Росгвардии Виктор Золотов). Лишь глава МВД Владимир Колокольцев находится в другом кластере. Следует еще раз напомнить, что все связи в сети (в том числе в этом сообществе) носят личный характер — никакие формы служебного взаимодействия внутри элиты в модели не учитывались. Потому присутствие в сообществе президента практически всех силовиков хорошо вписывается в теоретические представления о важности для авторитарных режимов контроля над силовым аппаратом³⁷.

Наш анализ показывает, что такой контроль может иметь не только институциональную природу (например, закрепление за президентом права назначать и увольнять министров силового блока), но

³⁴ Luke 2015: 118—123.

³⁵ Blondel et al. 2008.

³⁶ Принадлежность узла к сообществу отмечена заполнением соответствующего значка на рис. 2.

³⁷ См., напр. Powell 2012.

и вполне личную. Действительно, большинство руководителей силовых ведомств связаны с Путиным личными отношениями. Золотов — личный охранник Собчака, заместителем которого был Путин, Бастрыкин — староста его студенческой группы в ЛГУ, Бортников — коллега по Ленинградскому управлению КГБ, Нарышкин — по экономическому блоку мэрии Санкт-Петербурга. Шойгу, правда, не работал с Путиным в домосковский период, однако еще на думских выборах 1999 г. он возглавил федеральный список поддерживавшего Путина движения «Единство», и с тех пор можно наблюдать устойчивое (и выносимое в публичную плоскость) укрепление личных связей между ними: Путиным и Шойгу связывают совместный отдых, выступления за одну команду в Ночной хоккейной лиге, а также руководство Русским географическим обществом.

Однако теоретическая модель взаимоотношений между лидером и силовым аппаратом при автократии подразумевает не только институциональный контроль над процедурами назначения/отставки и личную лояльность, но и отсутствие горизонтальной координации между представителями силовых ведомств. Богатый мировой опыт переворотов, подготовленных хунтами (включая события августа 1991 г. в СССР), наглядно демонстрирует, чем может обернуться недооценка этого третьего фактора.

Что говорит наша модель о горизонтальных связях внутри группы силовиков, входящих в одно сетевое сообщество? Из десяти возможных связей присутствует лишь одна, и то косвенная — между Нарышкиным и Золотовым, которые когда-то работали в команде Собчака в Санкт-Петербурге. Между остальными парами силовиков нет ни карьерных, ни иных неформальных связей. Разумеется, их должности по определению предполагают регулярное взаимодействие, в том числе в рамках Совета Безопасности, но служебные контакты в данном случае не подкрепляются никакими устойчивыми личными отношениями.

Второе сообщество, центральное место в котором по количеству связей занимает Вайно, — это преимущественно выходцы из АП. Связи внутри данной группы в большинстве своем профессиональные, сформированные либо внутри самой АП, либо в составе правительства, причем отличительной чертой этих связей является их повторяемость: многие пары связанных акторов работали друг с другом и в АП, и в правительстве (например, Вайно, Дмитрий Песков и Козак). Такая природа связей между членами рассматриваемого сообщества отражает и само содержание их деятельности, и особенности выбранного нами правила регистрации связей.

Содержательно характер этих связей хорошо интерпретируется при учете темпорального фактора — все служебные перемещения в рамках рассматриваемого сообщества выпадают на 2008 и 2012 гг., то есть на время перехода Путина с президентского поста на пост председателя правительства и обратно. При этом специфика должностей Пескова и Вайно того периода (пресс-секретарь и начальник протокола

соответственно) подразумевает ежедневное техническое обслуживание патрона, что способствует укреплению личного доверия. Естественно, что при отсутствии нареканий профессионального плана тот, меняя позицию, оставляет конфиденентов в своей команде.

В свою очередь, уже упомянутая синхронность карьер Путина и Козака и функциональное содержание деятельности последнего указывает на то, что он выступает в роли доверенного лица лидера и координатора действий государственных органов в наиболее проблемных и актуальных сферах (политика на Северном Кавказе, проведение Олимпиады в Сочи, социально-экономическое развитие Крыма и Севастополя, отношения с Украиной). Эта роль тоже полностью совместима с регулярной горизонтальной ротацией.

Вместе с тем надо учитывать, что центральная позиция Вайно в рассматриваемом сообществе отчасти обусловлена и обстоятельством технического плана: поскольку к тому моменту, когда эксперты «Независимой газеты» и АПЭК включили его в перечень влиятельных политиков, он уже три года проработал заместителем руководителя Администрации президента, наш алгоритм учитывал и широкий круг его связей внутри АП. Впрочем, даже если бы Вайно вошел в этот перечень не в 2015, а в 2012 г., его положение в анализируемом сообществе не изменилось бы кардинально: из 10 связей осталось бы семь.

Здесь же стоит отметить, что, в отличие от других сообществ, общий карьерный бэкграунд этой группы не подкреплен другими источниками неформальных связей, что делает отношения внутри нее менее устойчивыми.

Остальные сообщества гораздо меньше первых двух, но имеют собственную специфику. Обращает на себя внимание сообщество, где крупнейшим узлом является Кудрин. В этом сообществе отчетливо выделяются два кластера — военно-промышленный (Чемезов, Мантуров, Юрий Борисов, Валерий Герасимов) и государственных финансов (Кудрин, Антон Силуанов, Татьяна Голикова и Александр Новак). Учитывая плотность связей внутри каждого из этих кластеров, их вполне можно рассматривать в качестве самостоятельных объединений.

Существует также сообщество лиц, так или иначе связанных с «Газпромом» (Алексей Миллер, Дмитрий Медведев, Алишер Усманов, Ротенберг). Связи внутри него включают и опыт совместной работы в совете директоров компании, и выполнение крупных подрядов, и поддержку спортивных клубов и федераций. В качестве отдельной можно рассматривать и группу, охватывающую внутриполитических менеджеров (Кириенко, Володин, Геннадий Зюганов, Герман Греф³⁸). В силу специфики деятельности входящих в эту группу лиц, отношения внутри нее наиболее подвижны. Последняя группа (выделена на рис. 2 темно-серым цветом) представляет собой скорее остаточную категорию, нежели самостоятельное сообщество, хотя и в ней присутствуют устойчивые пары — медиаменеджеры Громов

³⁸ Хотя Греф и не является политическим администратором, возглавляемая им компания выступает кадровым донором для региональных управленческих команд, особенно в Центральной России.

и Олег Добродеев, которые к тому же были однокурсниками, а также отец и сын Патрушевы.

Таким образом, выделение небольших сообществ в рассматриваемой сети носит довольно условный характер. Если опираться на предлагаемую выбранным нами алгоритмом кластеризацию, распределение внутригрупповых и межгрупповых связей будет иметь следующий вид: 101 связь внутри выявленных сообществ и 113 между ними, 26 из которых приходится на два наиболее крупных сообщества — силовиков и функционеров АП. Мало того, при более пристальном взгляде на межгрупповые связи обнаруживается, что все пары сообществ соединены как минимум двумя связями. Это говорит о высокой связности элиты в России и вытекающей отсюда сложности ее аналитического деления на четко очерченные подгруппы.

Заслуживает внимания и общий характер связей внутри элиты. Больше половины из них (54,7%) являются комплексными, повторяющимися, то есть акторы либо более раза пересекались до попадания в элиту (23,4%), либо, наряду с карьерным бэкграундом, у них имеется хотя бы один источник неформальной связи в узком смысле (спорт, бизнес-интересы семей, благотворительность) (10,7%), либо их неформальные отношения развиваются сразу в нескольких регистрах (20,6%). Таким образом, общая связность сети подкрепляется еще и разноплановостью, повторяемостью неформальных отношений.

И здесь неизбежно напрашивается вопрос: есть ли в рассматриваемой сети такие акторы или связи, удаление которых разрушит ее как единое целое, i.e. сделает граф несвязным³⁹? Формально — да: при исключении из сети трех игроков — Путина, Громова и Собянина — граф утрачивает связность. Однако какие части сети окажутся при этом дезинтегрированы? Выясняется, что элитная сеть потеряет лишь тех игроков, которые не имеют иных связей, кроме тех, что соединяют их с упомянутыми акторами (а именно Бортникова, Добродеева и Хуснуллина). Это означает, что сеть имеет все шансы остаться устойчивой даже в случае гипотетического выбывания из нее Путина. Причина тому — широта горизонтальных связей, сформировавшихся в верхнем эшелоне российской элиты. Безусловно, в этой ситуации фракционализм может усилиться, связи между сообществами, которые сейчас во многом замыкаются на лидере сети, станут более редкими. Тем не менее уровня развития неформальных внутриэлитных связей может оказаться вполне достаточно для предотвращения или минимизации внутриэлитных расколов, характерных для автократий⁴⁰.

³⁹ На языке сетевого анализа такие узлы именуется точками сочленения (*cut-points*), а грани — мостами (*bridges*).

⁴⁰ Svoboda 2012.

Заключение

Итак, какова структура российской элиты? Проведенный анализ дает парадоксальные результаты. С одной стороны, неформальная элитная сеть имеет очевидный центр. Путин намного превосходит остальных игроков и по объему связей, и по степени близости ко всем элитным акторам, и по своей посреднической роли. С другой стороны, эту сеть нельзя

назвать чрезмерно централизованной. Горизонтальные связи внутри российской элиты настолько развиты, что сеть вполне может сохранить себя с минимальными потерями даже при выбывании своего лидера.

Не менее интересен и другой результат. Хотя в неформальной элитной сети присутствуют довольно оформленные сообщества, каждое из которых имеет свою профессиональную окраску, связей между этими сообществами даже больше, чем внутри них. На этом фоне обращает на себя внимание разрозненность руководителей силовых ведомств. Входя в подавляющем своем большинстве в одно сетевое сообщество, лидером которого выступает Путин, они практически не связаны между собой в личном плане, что сводит к минимуму возможность их горизонтальной координации.

Неформальная элитная сеть обладает довольно высокой плотностью и связностью, особенно в центральной части. При этом на устойчивость работает не только количество связей, но и их качество. Более чем в половине случаев отношения между акторами носят повторяющийся и комплексный характер: они либо проявляются в разных формах, либо присутствуют на разных этапах карьеры.

Разумеется, представленное выше исследование есть не более чем первый шаг в изучении структуры российской элиты с помощью сетевого анализа. Дальнейшая повестка в таком изучении нам видится следующим образом.

Во-первых, для получения объемной картины российской элиты было бы полезно расширить выборку, включив в нее не только самый верхний эшелон, но и игроков более низкого уровня. Вполне возможно, что горизонтальное измерение, оказавшееся доминирующим в нашем случае, в какой-то момент начнет сменяться вертикальным, обнажая относительно автономные патрон-клиентские пирамиды, пусть и с горизонтальными связями между ними. Анализ сочетания этих двух измерений является, на наш взгляд, перспективной задачей и для российских исследований, и для общей теории неформальных сетей и патрон-клиентских отношений.

Во-вторых, неформальные связи — это не только дружба и сотрудничество, но и конфликты. Включив в анализ информацию об устойчивых внутриэлитных конфликтах, мы можем проследить, как место в сети поддержки влияет на конфликтность игрока. Эвристически перспективным нам кажется и объединение в единую сеть данных о позитивных и негативных неформальных связях. Такая сеть может моделироваться с помощью знакового графа, что, в свою очередь, позволит использовать для оценки ее наиболее и наименее устойчивых участков теорию структурного баланса.

Библиография

Гаман-Голутвина О.В. (2016) «Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке» // *Политическая наука*, № 2: 38—73.

Гельман В.Я. (2015) «„Порочный круг“ постсоветского неопатри-
мониализма» // *Общественные науки и современность*, № 6: 34—44.

Крыштановская О.В. (2004) «Современные концепции политиче-
ской элиты и российская практика» // *Мир России: Социология. Эт-
нология*, № 4: 3—39. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/5245/5606>
(проверено 01.11.2021).

Ледяев В.Г. (2012) *Социология власти: Теория и опыт эмпириче-
ского исследования власти в городских сообществах*. М.: Изда-
тельский дом Высшей школы экономики.

Старцев Я.Ю. (2001) *Система государственного управления: По-
литический анализ*. Екатеринбург: УрАГС.

Старцев Я.Ю. (2009) «Личностно-ориентированные взаимодей-
ствия в государственном и муниципальном управлении» // Алек-
сандров А.А., Т.Е.Зерчанинова, К.Н.Самков и Я.Ю.Старцев. *Органы вла-
сти в системе социальных взаимодействий: социологический, поли-
тический и управленческий анализ*. Екатеринбург: УрАГС: 31—59.

Фисун А.А. (2007) «Постсоветские неопатримониальные режимы: ге-
незис, особенности, типология» // *Отечественные записки*, № 6: 8—28.

Чапковский Ф.И. (2011) *Социальные сети и административное
рекрутирование в России: на примере федерального правительства
2000—2008*. Магистерская диссертация. СПб.: Европейский универси-
тет в Санкт-Петербурге.

Baturo A. and J.Elkind. (2016) «Dynamics of Regime Personalization
and Patron—Client Networks in Russia, 1999—2014» // *Post-Soviet Affairs*,
vol. 32, no. 1: 75—98.

Blondel V.D., J.-L.Guillaume, R.Lambiotte, and E.Lefebvre. (2008)
«Fast Unfolding of Communities in Large Networks» // *Journal of Statistical
Mechanics: Theory and Experiment*, no. 10: 1—12. URL: [https://arxiv.org/
pdf/0803.0476.pdf](https://arxiv.org/pdf/0803.0476.pdf) (accessed on 01.11.2021).

Easter G. (1999) *Reconstructing the State: Personal Networks and
Elite Identity in Soviet Russia*. Cambridge, New York: Cambridge Univer-
sity Press.

Eisenstadt S. and L.Roniger. (1984) *Patrons, Clients and Friends: In-
terpersonal Relations and the Structure of Trust in Society*. Cambridge,
New York: Cambridge University Press.

Hale H.E. (2014) *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in
Comparative Perspective*. New York: Cambridge University Press.

Hoffmann-Lange U. (2018) «Theory-based Typologies of Political
Elites» // Best H. and J.Higley, eds. *The Palgrave Handbook of Political
Elites*. London: Palgrave Macmillan: 53—68.

Keller F.B. (2015) *Networks of Power. Using Social Network Analysis to
Understand Who Will Rule and Who Is Really in Charge in an Authoritarian
Regime: Theory, Method, and Application on Chinese Communist Elites
(1982—2012)*. Ph.D. diss. New York: New York University.

Ledeneva A. (2013) *Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks
and Informal Governance*. Cambridge: Cambridge University Press.

Luke D. (2015) *A User's Guide to Network Analysis in R*. New York: Springer.

Naidu S., J.A.Robinson, and L.E.Young. (2021) «Social Origins of Dictatorships: Elite Networks and Political Transitions in Haiti» // *The American Political Science Review*, vol. 115, no. 3: 900—916.

Padgett J.F. and C.K.Ansell. (1993) «Robust Action and the Rise of the Medici, 1400—1434» // *American Journal of Sociology*, vol. 98, no. 6: 1259—1319.

Petrov N.V. (2011) «The Nomenklatura and the Elite» // Lipman M. and N.Petrov, eds. *Russia in 2020: Scenarios for the Future*. Washington: Carnegie Endowment: 499—530.

Powell J. (2012) «Determinants of the Attempting and Outcome of Coups d'état» // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 56, no. 6: 1017—1040.

Reisinger W. and J.Willerton. (1988) «Elite Mobility in the Locales: Towards a Modified Patronage Model» // Lane D., ed. *Elites and Political Power in the USSR*. Aldershot: Elgar: 99—127.

Scott J. (1972) «Patron-Client Politics and Political Change in South-east Asia» // *The American Political Science Review*, vol. 66, no. 1: 91—113. URL: <http://www.la.utexas.edu/users/chenry/pmena/coursemats/2009/Scott-1972-clientelism.pdf> (accessed on 01.11.2021).

Svolik M. (2012) *The Politics of Authoritarian Rule*. Cambridge: Cambridge University Press.

Willerton J. (1987) «Patronage Networks and Coalition Building in the Brezhnev Era» // *Soviet Studies*, vol. 39, no. 2: 175—204.

политика

Ye.A.Ivanov, K.V.Melnikov, N.V.Petrov
INFORMAL STRUCTURE
OF THE ELITE SPACE IN RUSSIA
EVIDENCE FROM NETWORK ANALYSIS

Yevgeny A. Ivanov — Junior Research Fellow at the Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization, Faculty of Social Sciences, HSE University. Email: eivanov@hse.ru.

Kirill V. Melnikov — Ph.D. in Political Science; Research Fellow at the Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg). Email: melnikovrezh@gmail.com.

Nikolay V. Petrov — Ph.D. in Geography; Senior Research Fellow, Russia and Eurasia Programme, Chatham House (London, United Kingdom). Email: NPetrov@chathamhouse.org.

Abstract. This paper aims to examine the elite structure in Russia. Given the widely recognized dominance of personal relations over formal institutions in the political and economic spheres in Russia, to explore this question, the authors turn to the concept of the informal network and Social Network Analysis (SNA)

Modelling an informal network requires operationalization of two elements: nodes and edges. The nodes are represented by the individuals who occupied top 50 positions in the “100 Most Influential Politicians of Russia” ranking in March-April, 2020. In contrast to the majority of the researchers who employ network approach to study elites, when deciding on edges (links) of the network, the authors take into account not only politicians’ ties that were formed during their previous career steps, but also other sources of their personal connections (outside work), and assess the relevance of the established connections in politicians’ biographies.

The resulting informal network highlights the peculiarities of the organization of the Russian elite, which are quite curious in their multidirectionality. On the one hand, its structure has an obvious center in the person of Vladimir Putin, who is far superior to other players in terms of the number of connections, degree of closeness to all elite actors, and his intermediary role. On the other hand, the level of centralization of the network is rather moderate. The reason is the variety of horizontal ties between the rest of the elite. On the one hand, there are several clearly identifiable communities in the network. On the other hand, there are more connections between such communities than within them. Almost all representatives of law enforcement agencies belong to the same network community. However, there are practically no horizontal ties within the law enforcement network community. In general, the informal network of the Russian elite demonstrates a high level of coherence, with the dominance of complex, multicomponent ties that manifest themselves in different formats of personal relationships. This level of integration can play a significant role in minimizing intra-elite divisions — the “Achilles heel” of authoritarian regimes.

Keywords: Russian elite, informal network, patron-client relationships, network analysis

References

Baturo A. and J.Elkind. (2016) “Dynamics of Regime Personalization and Patron—Client Networks in Russia, 1999—2014” // *Post-Soviet Affairs*, vol. 32, no. 1: 75—98.

Blondel V.D., J.-L.Guillaume, R.Lambiotte, and E.Lefebvre. (2008) “Fast Unfolding of Communities in Large Networks” // *Journal of Statistical Mechanics: Theory and Experiment*, no. 10: 1—12. URL: <https://arxiv.org/pdf/0803.0476.pdf> (accessed on 01.11.2021).

Chapkovsky F.I. (2011) *Sotsial’nye seti i administrativnoe rekrutirovanie v Rossii: na primere federal’nogo pravitel’sтва 2000—2008* [Social Networks and Administrative Recruitment in Russia: the Case of the Federal Government 2000—2008]. MA diss. St Petersburg: European University in St Petersburg. (In Russ.)

Easter G. (1999) *Reconstructing the State: Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.

Eisenstadt S. and L.Roniger. (1984) *Patrons, Clients and Friends: Interpersonal Relations and the Structure of Trust in Society*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.

Fisun A.A. (2007) “Postsovetskie neopatrimonial’nye rezhimy: genesis, osobennosti, tipologija” [Post-Soviet Neopatrimonial Regimes: Genesis, Features, Typology] // *Otechestvennyye zapiski* [OZ: Journal of Russian Thought], no. 6: 8—28. (In Russ.)

Gaman-Golutvina O.V. (2016) “Politicheskie elity kak ob”ekt issledovaniy v otechestvennoj politicheskoy nauke” [Political Elites as an Object of Research in National Political Science] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no. 2: 38—73. (In Russ.)

Gel'man V.Ya. (2015) “„Porochnyj krug“ postsovetskogo neopatrimonializma” [The Vicious Circle of Post-Soviet Neopatrimonialism] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], no. 6: 34—44. (In Russ.)

Hale H.E. (2014) *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. New York: Cambridge University Press.

Hoffmann-Lange U. (2018) “Theory-based Typologies of Political Elites” // Best H. and J.Higley, eds. *The Palgrave Handbook of Political Elites*. London: Palgrave Macmillan: 53—68.

Keller F.B. (2015) *Networks of Power. Using Social Network Analysis to Understand Who Will Rule and Who Is Really in Charge in an Authoritarian Regime: Theory, Method, and Application on Chinese Communist Elites* (1982—2012). Ph.D. diss. New York: New York University.

Kryshchanovskaya O.V. (2004) “Sovremennye kontseptsii politicheskoy elity i rossijskaja praktika” [Modern Conceptions of Political Elite and the Russian Practice] // *Mir Rossii: Sotsiologija. Etnologija* [Universe of Russia: Sociology. Ethnology], no. 4: 3—39. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/5245/5606> (accessed on 01.11.2021). (In Russ.)

Ledeneva A. (2013) *Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance*. Cambridge: Cambridge University Press.

Ledyayev V.G. (2012) *Sotsiologija vlasti: Teorija i opyt empiricheskogo issledovaniya vlasti v gorodskikh soobshchestvakh* [The Sociology of Power: Theory and Empirical Research of Power in Urban Communities]. Moscow: Izdatel'skij dom Vysshej skoly ekonomiki. (In Russ.)

Luke D. (2015) *A User's Guide to Network Analysis in R*. New York: Springer.

Naidu S., J.A.Robinson, and L.E.Young. (2021) “Social Origins of Dictatorships: Elite Networks and Political Transitions in Haiti” // *The American Political Science Review*, vol. 115, no. 3: 900—916.

Padgett J.F. and C.K.Ansell. (1993) “Robust Action and the Rise of the Medici, 1400—1434” // *American Journal of Sociology*, vol. 98, no. 6: 1259—1319.

Petrov N.V. (2011) “The Nomenklatura and the Elite” // Lipman M. and N.Petrov, eds. *Russia in 2020: Scenarios for the Future*. Washington: Carnegie Endowment: 499—530.

Powell J. (2012) “Determinants of the Attempting and Outcome of Coups d'état” // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 56, no. 6: 1017—1040.

Reisinger W. and J.Willerton. (1988) “Elite Mobility in the Locales: Towards a Modified Patronage Model” // Lane D., ed. *Elites and Political Power in the USSR*. Aldershot: Elgar: 99—127.

Scott J. (1972) “Patron-Client Politics and Political Change in South-east Asia” // *The American Political Science Review*, vol. 66, no. 1: 91—113. URL: <http://www.la.utexas.edu/users/chenry/pmena/coursemats/2009/Scott-1972-clientelism.pdf> (accessed on 01.11.2021).

Startsev Ya.Yu. (2001) *Sistema gosudarstvennogo upravlenija: Politicheskij analiz* [System of Public Administration: A Political Analysis]. Yekaterinburg: UrAGS. (In Russ.)

Startsev Ya.Yu. (2009) “Lichnostno-orientirovannye vzaimodejstviya v gosudarstvennom i munitsipal'nom upravlenii” [Personality-oriented Interactions in Public Administration] // Aleksandrov A.A., T.E.Zerchaninova, K.N.Samkov, and Ya.Yu.Startsev. *Organy vlasti v sisteme sotsial'nykh vzaimodejstvij: sotsiologicheskij, politicheskij i upravlencheskij analiz* [Government Bodies in the System of Social Interactions: Sociological, Political and Managerial Analysis]. Yekaterinburg: UrAGS: 31—59. (In Russ.)

Svolik M. (2012) *The Politics of Authoritarian Rule*. Cambridge: Cambridge University Press.

Willerton J. (1987) “Patronage Networks and Coalition Building in the Brezhnev Era” // *Soviet Studies*, vol. 39, no. 2: 175—204.